

Этнография труда рабочих распределительного центра: методические замечания

Пинчук Ольга Владимировна

Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: opinchuk@hse.ru

«Последние пару дней мне постоянно снится работа на складе. В одном из снов передо мной лежали небольшие черные предметы, и я не мог решить, [сканировать] их или нет. Другой — странное переплетение [отдела инвентаризации, в котором я работаю] и биатлонной гонки: я стоял на краю снежной трассы и [сканировал] коробки; мне было известно, что нужно добраться до финиша первым. Было темно, дул сильный ветер, поднялась метель. Сотрудник, стоявший рядом со мной, обратился к старшей [смены] и сказал, что может поработать двойную смену, но хочет двойной оклад за свои пики¹».

Из полевого дневника Андрея Старовойтенко,
запись сделана перед четвертой рабочей сменой

С 2016 по 2017 год я работала упаковщицей в цехе конфетной фабрики и каждый день писала полевые дневники². Коллеги по Лаборатории, в которой я тогда работала, периодически читали мои дневники, а иногда даже писали аналитические заметки на их основе, но сами в поле не ходили. Раз в одну-две недели мы встречались и обсуждали мои наблюдения. Нередко такая конфигурация позиций и исполняемых ролей в исследовательском коллективе вызывала у меня внутренний протест: будучи в продолжительном и непростом поле, мне было все сложнее делиться своими полевыми записями с коллегами, в большинстве своем не имеющими схожего опыта, и слушать их интерпретации, которые, как мне казалось, иной раз были поспешными и поверхностными. Спустя несколько лет, в книге, посвященной этому

¹ «Пиками» в распределительных центрах называют единицу отсканированного товара.

² Проект «Этнография рабочего места», выполненный при поддержке фонда «Хамовники».

исследованию, я сделала следующий вывод: «монополия на интерпретацию данных должна принадлежать исследователю, собравшему эти данные»¹. Этот тезис, как я понимаю уже сейчас, стал следствием в первую очередь нашего с коллегами методического и организационного «провала»² — у нас попросту не получилось должным образом организовать работу: состав исследовательской группы не всегда был релевантен задачам исследования, вовлеченность в проект разных участников была несопоставима³. Данная рубрика (мое введение и два текста коллег Р. Абрамова и А. Старовойтенко) является результатом второй попытки коллективной работы с этнографическими данными⁴, полученными в ходе весьма непростой полевой работы одного из участников рабочей группы.

Летом 2021 года мы с Андреем Старовойтенко несколько месяцев были вовлечены в достаточно нестандартный коммерческий исследовательский проект⁵. Передо мной стояла задача найти этнографов, которые смогут и будут готовы трудоустроиться в разные распределительные центры (РЦ) в ряде городов и проработать там от нескольких недель до нескольких месяцев. Работа в РЦ достаточно тяжелая и предполагает сортировку и комплектацию товаров разного веса и размера при помощи различных технических средств. Даже если распределительный центр механизирован или частично автоматизирован, все равно не обходится без ручного труда. Андрей оказался заинтересован в такой работе и достаточно быстро стал оператором склада одного из крупных логистических центров.

Основываясь на собственном исследовательском опыте, я инструктировала этнографов, проводила методические семинары, рассказывала и показывала, как писать дневники⁶. На протяжении полевой работы и после мы с этнографами совместно дорабатывали их дневники, пытаясь добиться простоты и понятности в формулировках, но в то же время содержательной емкости. Это было необходимо, поскольку полевые данные анализировали те коллеги, которые не работали в поле. Таким образом, этнографы работали в поле и каждый день писали дневники; я из «кабинета» помогала им писать и дорабатывать дневники, а также решать организационные и методические

¹ Пинчук О. В. Сбои и поломки: этнографическое исследование труда фабричных рабочих. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»: Common Place. 2021. С. 198.

² «Провал» беру в кавычки, поскольку, несмотря ни на что, мы многого добились, и я бесконечно благодарна коллегам за то, что они поддержали проект, что были рядом и всячески помогали.

³ Стоит отметить, что такие исследовательские проекты в России, скорее, исключение, чем правило. Исследователи крайне редко решаются изучать труд методом включенного наблюдения. В силу отсутствия сложившейся традиции и возможности обмениваться схожим опытом, с одной стороны, остается поле для методических экспериментов, с другой — для ошибок и «провалов».

⁴ Другим составом и в другой конфигурации. Но важно, что Роман Абрамов также принимал участие и в работе исследовательского коллектива проекта «Этнография рабочего места» в 2017 г.

⁵ Проект длился несколько месяцев и был посвящен изучению «опыта сотрудников» (EX — employee experience — исследование) распределительных центров нескольких крупных компаний. Я отвечала за организацию и проведение этнографического исследования труда методом скрытого включенного наблюдения.

⁶ Подробнее об этом можно прочитать здесь: Пинчук О. В. Как возможно этнографическое исследование труда в России? Демаргинализация этнографии в поле прикладного исследования // Социология власти. 2021. Т. 33. № 3. С. 109–130.

вопросы; аналитики, (чаще всего) не вовлеченные в полевой этап проекта, эти дневники анализировали. Такое разделение ролей и задач внутри проектной группы оправдывалось особенностями темпоральной организации коммерческого проекта: сроки здесь всегда гораздо более сжатые, нежели в академическом проекте. Этнографы физически и интеллектуально не смогли бы за пару дней переключиться с интенсивной и крайне вовлеченной полевой работы и начать спешно, но вдумчиво анализировать свои многостраничные записи¹. Кроме того, коммерческий проект предполагает иные задачи, нежели академический, в этом смысле и аналитика становится отдельной задачей, требующей иной (отличной, чем в академическом проекте) квалификации².

Андрей ходил на работу в распределительный центр, после каждой рабочей смены писал полевые дневники, которые впоследствии мы вместе дорабатывали там, где в этом была необходимость. Таким образом, в итоге образовался корпус этнографических данных, состоящий из сотен страниц полевых записей. Эти записи реконструируют реальность, в которой работал этнограф: как то, что происходило вокруг исследователя, так и то, что происходило внутри (его эмоции, впечатления, ощущения). Как видно по отрывку из полевого дневника, вынесенному в эпиграф, Андрей был поглощен полевой работой настолько, насколько это возможно в этнографическом поле: он переехал туда, где располагался РЦ (в другой город), практически не успевал заниматься тем, к чему привык в своей «обычной» жизни. Он засыпал и видел сны про складскую работу.

Несколько месяцев назад мы с Андреем вернулись к обсуждению собранных им данных и вместе с Романом Абрамовым решили написать на их основе текст.

В итоге родилось два разных текста: первый за авторством Романа, который не участвовал в процессе сбора данных и подготовки дневников, но имеет сопоставимый исследовательский опыт³; второй — Андрея, как автора полевых дневников. У каждого автора своя перспектива и свой интерес в рамках данной работы, что естественным образом создает поле для диалога. Оба автора обращаются к теме профессионализма и профессиональной идентичности работников распределительного центра. Роман показывает, как платформенный капитализм способствует десубъективации рабочих, препятствует

¹ Стоит коротко заметить, что я разделяю этнографические дневники «для себя» и «для других». Первое в большей степени свойственно академическим проектам, где исследователь впоследствии самостоятельно длительное время работает с полевыми записями; второе свойственно прикладным проектам, когда роли внутри рабочей группы распределены и с дневниками работают коллеги, не работавшие в поле.

² В коммерческих проектах всегда без исключений предусмотрены NDA, то есть соглашения о неразглашении, что существенно ограничивает исследователей в обмене опытом за пределами исследовательской группы. Однако в наших проектах для этнографов мы согласовали возможность работать с собственными полевыми данными в рамках каких-либо других, не коммерческих задач — при условии соблюдения политики конфиденциальности.

³ Помимо большого количества публикаций, посвященных социологии труда и профессий, у Романа есть полевой опыт организационной этнографии на машиностроительном предприятии в Пензе в 2009 г. См. подробнее: Абрамов Р.Н. Металлурги на машиностроительном заводе: очерк профессиональной субкультуры // Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности. 2014. С. 153–174.

их солидарности и, по сути, делает их «придатком» ТСД — терминала сбора данных, самого ходового и основного рабочего инструмента на складе. Андрей замечает, что, несмотря на попытки системы анонимизировать работников, сделать их максимально взаимозаменяемыми, они мастерски осваивают оборудование, и это позволяет им управлять собственным доходом через оптимизацию своего труда или обман электронной системы учета. Таким образом, работники вновь «подчиняют» себе ТСД, а не подчиняются ему сами.